

политической деятельностью. Не помешает ли это шахматам? И не лучше ли пробуждать добрые чувства, как советовал Пушкин, лирой, то есть творчеством, а его лирой являются шахматы. Но сразу понял, какую говорю глупость...» Меткое замечание!

* * *

Увидев старые фотографии с амстердамского турнира 1995 года, вспомнил молодого практиканта, запечатлевшего бурю эмоций на лице чемпиона мира в игре, которую начинающий фотограф считал было совсем безэмоциональной.

Сегодня Стейн Радемакер один из самых востребованных специалистов, имеет собственное бюро и сотрудничает едва ли не со всеми газетами и журналами Нидерландов.

А герой его репортажа, на которого четверть века с восхищением смотрел весь шахматный мир, через десять лет после того турнира навсегда оставил практическую игру.

Но вот представился случай, и весной 2016 года в Сент-Луисе Каспаров сыграл в шестикруговом блицтурнире. Давая Фабиано Каруане, Уэсли Со и Хикару Накамуре фору в три десятка лет и уже годами не занимаясь шахматами, Гарри выступил вполне пристойно.

В какой бы области ни появилось нечто выдающееся, банальная посредственность, из которой состоит подавляющая часть любого общества, не может любить такого человека. В лучшем случае им восхищаются или дивятся на него, как на диковинного зверя. Каждым своим неординарным поступком, парадоксальной мыслью, нередко вызывающей или ранящей, такая личность наживает себе врагов. Но даже обладающие талантом, добившиеся успехов и имеющие заслуги на том же поприще, нередко смотрят на столь необычное явление без удовольствия: ведь лучи от него отчасти заглушают их собственный блеск.

Гений, пока он жив, неузнаваем. Его принимают за кого-то другого.

Так было всегда, во все времена. Его можно не только замолчать, но и оболгать, ударить, освистать, поместить в кутузку. Но как бы ни сложилась жизнь и судьба Гарри Каспарова, время всё расставит по своим местам, а беспристрастный и очищенный от суеты сегодняшнего дня взгляд из будущего покажет, с человеком какого калибра имели дело его современники.

Сегодня молодые шахматисты легко раздают патенты на гениальность, причем речь идет о коллегах, играющих с ними в одних турнирах. Удивительного здесь нет: в эпоху всеобщего измельчания не избежало инфляции и понятие «гений».

Прежде к этому определению относились строже. Тигран Петросян, к примеру, говорил, что гений в шахматах опережает свое время, но ведь увидеть это можно только потом, оглянувшись. «С этой точки зрения, гениями можно назвать отнюдь немногих, — полагал девятый чемпион мира. — Морфи, Стейница, может быть, Таля...»

А Магнус Карлсен на прямой вопрос: «Вы — гений?» дал не менее короткий ответ: «Нет, я не гений!»

Совсем недавно Владимир Крамник, чьи отношения с Каспаровым далеки от лучезарных, сказал, что в шахматах к сонму гениев безоговорочно могут быть причислены только четверо — Капабланка, Таль, Фишер и Каспаров.

Сам Гарри оперирует этим понятием с большой осторожностью. Даже о великом кубинце он однажды сказал: «То, что Капабланка был выдающийся природный талант, очевидно. А гений — это всегда очень сильное определение».

Думаю, что сегодня, когда Гарри Каспаров предоставил нам возможность бросить взгляд на его грандиозный вклад в шахматы, не грех применить по отношению к нему это слово, в которое каждый вкладывает свой собственный смысл, но которое выражает наивысшую степень таланта.

А ВСЕ-ТАКИ ЖАЛЬ...

Ужинали с английским гроссмейстером Реймондом Кином в «Симпсонс на Стрэнде». В этом лондонском ресторане, открытом как шахматная кофейня аж в 1828 году, бывали все шахматные знаменитости прошлого.

Здесь была сыграна «бессмертная партия» Андерсен — Кизерицкий (1851) и часто играли Стаунтон, Морфи, Стейниц, Цукерторт (которого сразил удар во время шахматной партии именно в этих стенах).

Здесь не раз ужинали Чарльз Диккенс, Бернард Шоу, Уильям Гладстон, Бенджамин Дизраэли; завсегдатаями ресторана, волею Конан-Дойля, были Шерлок Холмс и доктор Ватсон. До сих пор в путеводителях по Лондону «Симпсонс на Стрэнде» упоминается как один из «must» английской столицы.

О шахматном прошлом ресторана напоминает не только вход в него, но и специальный стенд, и развешанные тут и там шахматные литографии и гравюры. А совсем недавно здесь провели турниры памяти Говарда Стаунтона, считающегося основоположником английской шахматной школы.

* * *

Мы с Кином пришли в «Симпсонс на Стрэнде» после очередного тура претендентского турнира (2013), игравшегося в двух шагах отсюда — в Институте техники и технологии на Савой Плейс. Неудивительно поэтому, что наши разговоры вертелись вокруг шансов участников. Победителю предстоял матч с чемпионом мира Виши Анандом, и на победу в турнире претендовали по меньшей мере трое. Совсем отпал от борьбы за первое место Василий Иванчук, в очередной раз не совладавший с нервами и проигравший просрочкой времени несколько партий.

Когда к нашему столику подкатили тележку с десертами, Кин ударился в воспоминания: «За этим самым столом, где мы сидим сейчас, в 2000 году я ужинал с Каспаровым за день до открытия его матча с Крамником. „Подумай, Гарри, — сказал я, — еще не поздно включить в контракт пункт о реванше. Понятно, что Крамник не станет возражать, а так...“ Каспаров не дал мне договорить, заявив, что не хочет даже слышать о таких глупостях. А ведь если бы он просто поставил закорючку в контракте, история шахмат сегодня могла выглядеть совсем по-иному...»

И Реймонд, вздохнув, принялся за яблочное пирожное.

Англичанин применил глагол прошедшего времени в сослагательном наклонении. Это наклонение категорически отвергают историки: они знают эту «iffy history» — что бы произошло, если бы всё случилось по-другому.

Как выглядела бы история христианства, если бы Понтий Пилат помиловал Иисуса? Не умер ли бы он тогда в своей постели в преклонном возрасте, окруженный чадами и домочадцами?

А не был ли бы весь мир иным, если бы нос у Клеопатры был чуточку короче?

А если бы Наполеона не одолевал насморк в день Ватерлоо или если бы конница Груши подросла вовремя?

А что бы произошло, если бы патруль, задержавший в Петрограде в октябре 1917 года Ленина, переодетого и в парике, не отпустил его, а арестовал?

А если бы молодой Гитлер был принят в Венскую академию изобразительных искусств или занялся архитектурой?

Примерам такого рода несть числа.

К шахматной истории это «если» относится в наименьшей степени.

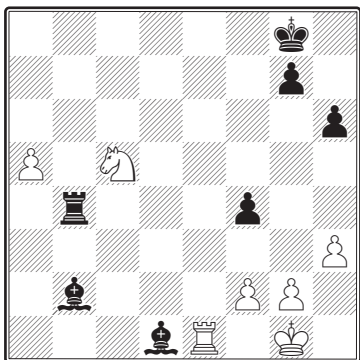
«Подумайте, дело ведь только в одном ходе коня, и какая гигантская разница! А ведь история шахмат могла пойти по совсем другому пути из-за одного только хода коня на другую клетку...» — не раз повторял Бронштейн, имея в виду 23-ю партию своего матча с Ботвинником (1951).

А если бы Спасский при счете 2:0 в 1972 году вернулся, как ему настоятельно советовали спортивные функционеры, из Рейкьявика в Москву?

Конечно, имя Фишера навсегда осталось бы в шахматных анналах, но крайне сомнительно, чтобы американец когда-либо стал чемпионом мира.

А если бы Корчной при счете 5 : 5 в Багио (1978) выиграл у Карпова еще одну партию, а вместе с ней и матч? Объявили ли бы шахматы в Советском Союзе лженаукой, как шутя (шутя?) говорил Таль?

А если бы Карпов сделал выигрывающий ход в эндшпиле 41-й партии первого матча с Каспаровым (1984/85)?

Промежуточное 33. а6! (вместо случившегося 33. ♖×d1) могло принести чемпиону общую победу со счетом 6 : 1, и никакого повторного матча не понадобилось бы, а молодого претендента ждали новые серьезные испытания. Как выглядела бы шахматная история в этом случае?

Близкие Гарри утверждают, что невключение в контракт пункта о реванше с Крамником объясняется не только его неверием в возможность проигрыша. Главное было в другом: ведь Каспаров после узаконенных матчей-реваншей с Карповым настаивал на их отмене, а как он будет выглядеть, если станет цепляться за критикуемое им самим правило?

«К тому же, — говорил Гарри, — вы же знаете, какие у меня отношения с Володи́ей. Это ведь я настаивал на включении семнадцатилетнего парня в состав сборной страны на Олимпиаду в Маниле (1992), он же помогал мне в Нью-Йорке, когда я играл с Анандом (1995), да и этим лондонским матчем Крамник обязан только мне. Не говоря о том, что я — чемпион мира! — до матча выполнил все его условия, включая перевод пятидесяти тысяч долларов для оплаты его секундантов!»

Остальное — известно. Хотя к поединку в Лондоне Каспаров подошел на пике формы, выиграв шесть супертурниров кряду и достигнув рейтинга 2851 (сегодня это где-то, наверное, под 2900!), результат его матча с Крамником вы помните (– 2 + 0 = 13). Равно как и то, что ответный поединок между 13-м и 14-м чемпионами мира так никогда и не состоялся.

Если взять формальную сторону дела, Крамник, отказываясь от матча-реванша и настаивая на участии Каспарова в отборе, был прав.

Ежели взглянуть на этот вопрос с точки зрения выдающихся результатов Гарри Кимовича до и после лондонского матча, если

принять во внимание ожидания всего шахматного мира, то можно прийти к совсем другому выводу.

Вспомним еще раз барда: «Былое нельзя воротить — и печалиться не о чем...»

Что былое нельзя воротить — это точно. А вот что печалиться не о чем — это как сказать. Разве не жаль, что не был сыгран еще один матч Каспарова с Крамником? Или в свое время — Капабланки с Алехиным?

Хотя бы один. И не будет отныне. А жаль.

СОДЕРЖАНИЕ

АНАТОМИЯ УСПЕХА

Конь Калигулы	5
«Отель Калифорния»	10
Контрастный душ	18
А как сдаётся вы?	30
Вышайший Суперфинал	40
Чемпионы? Проходимцы!	46
Планктон мне друг	55
Персидские мотивы	65
Девушка и слон	69
Куда делось окончание партии?	74
«Спокойствие, моя подружка!»	80
Бакинские страсти	84
Анатомия успеха	89

ЭХО ПРОШЛОГО ВЕКА

Ё — моё!	101
Фюрер и шахматы	108
Товарищ Абрам	116
Осудить или понять?	120
Тито и титушки	128
Бойкоты и бойкотики	139
Атака Фиделя	154
Фемида и Каисса	163
Королевский гамбит президента	177

ИЗБРАННИКИ КАИССЫ

Рауль и Руди	183
Правила этикета	189
Горькие судьбы	201
Двойная чёртова дюжина	212
Баловень судьбы	221
Влюбленный Фишер	234
Человеческое прикосновение	243
Чернодрук и бисект	253
Вы видели льва?	259
А все-таки жаль... ..	272